

УДК 130.11
ББК 60.028

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ КАК ЦЕЛЕПОЛАГАЮЩАЯ СИЛА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ЕГО ФОРМ

А.Н. Задворнов

Предпринята попытка выявления движущих сил развития человека и общества. Ядром этих сил выступает зарождающееся в бытие и оформляющееся в общественном сознании представление людей о счастье. Рассмотрен генезис целеполагания в контексте преобладающей трактовки счастья в философском сознании европейцев. Показан переход от интровертного понимания счастья к доминанте безграничного потребления и поиску счастья в материальных благах цивилизации. Определены сущностные черты целеполагания будущего.

Ключевые слова: счастье, целеполагание, форма общественного сознания, синкретичность, дифференциация, метаморфоза, утопическое сознание.

Человеческая социальность предполагает постановку и реализацию целей во всех социальных структурах общества. Поэтому цель – одна из первых категорий, начавших формироваться в сознании по мере его развития. Однако вне философии цели преимущественно рассматриваются как директивно установленные задачи. Решение задач предполагает выбор критериев, на основе которых конструируются альтернативы. Логико-управленческий подход не предполагает постановку вопроса о предпосылках возникновения этих критериев. В этом смысле понятие цели и анализ целеполагания могут стать центральными только в философии.

Генезис целеполагания напрямую связан с процессом становления общественного сознания и его форм. Изначально в сознании общества существовали все формы духа, которые, впрочем, имели разную степень развития. Целеполагание зарождается одновременно с появлением сознания общества, то есть в период перехода от первобытного стада к кровнородственной общине. Основой целеполага-

ния выступает бытие, выраженное в доминирующей форме общественного сознания. Последняя формирует в человеке определенные потребности. Они в свою очередь превращаются в мотивы, которые усиливаются потенциалами не только доминирующей, но и иных форм духа. В итоге мотивы воплощаются в цели. Иными словами, взаимодействие форм общественного сознания осуществляется для выработки в ходе целеполагания актуальных целей и их закрепления в общественном сознании. Поскольку цели вырабатываются как индивидуальным, так и совокупным субъектом, то неизбежно с развитием человека и общества возникают противоречия целеполагания в индивидуальном и общественном сознании. Эти противоречия и являются спусковым механизмом трансформации целей.

Целеполагание в древности осуществлялось в рамках синкретичного общественного сознания, что вследствие внутренней дифференциации форм духа приводило к разрушению первоначальной слитности сознания. Параллельно с развитием человечества протекал процесс внешней дифференциации и поляризации форм духа, достигший своего апогея в эпоху постмодерна. С одной стороны, внутренняя дифференциация форм общественного сознания завершена. Например, в эстети-

ческом сознании новые виды искусства являются таковыми условно, поскольку есть сочетание ранее возникших видов. В философском сознании внутренняя дифференциация завершилась в XX в. антропоцентризмом, преодолев перед этим сложный путь от космо- и теоцентризма к лого- и социоцентризму. С другой стороны, внешняя дифференциация достигла своего максимума. Следовательно, целеполагание, разрушавшее синкретичность сознания в предшествующие периоды, получает потенциал, позволяющий формировать новый тип целостности сознания. Еще Платон полагал, что цель – это упорядочивающее начало, которое соединяет части в одно целое. Именно целеполагание позволяет преодолеть процесс дифференциации и поляризации форм духа для их конвергенции, сближения. Новый тип синкретичности должен обеспечить духовное единство общества и целостность человека.

Целеполагание является духовным предвосхищением всей практической деятельности человека. Цель способна вызревать в любой форме общественного сознания и постепенно становится ведущей структурой, замыкающей на себе все формы духа. Возникновение в перспективе нового синкретического сознания должно стать основой для формирования синтетической цели будущего, содержащей в себе потенциалы всех форм духа.

Важно выявить сущность цели, которая, с одной стороны, опирается на бытие, а с другой – противостоит ему, выступая трансформационным фактором социальной жизни. Выскажем предположение, что сущностью целеполагания выступают представления людей о счастье, вырабатываемые в общественном сознании на основе объективных мыслительных форм, укорененных в социальное бытие. Цель, в свою очередь, – это доминирующая трактовка счастья, действующая в определенный исторический период во всех формах и на всех уровнях общественного сознания. При этом счастье в общем смысле понимается как целеполагающая сила (потенция), берущая свое начало из материальной сферы, но способная накапливать потенциал (укрепляться и распространяться в общественном сознании), через который осуществляется трансформация институций бытия.

В те или иные эпохи человечество выработывало различные представления о счастье, а значит, и целевой ориентации в жизни. Цель зарождалась в доминирующей форме духа, а в дальнейшем становилась базовой для всего общественного сознания. С течением времени представление о счастье (целеполагающей силе) начинает изменяться внутри общественного сознания и постепенно теряет связь с общественным бытием. Это объясняется большей динамичностью сознания по отношению к бытию. Утопические миры как мыслительные конструкты формируются намного быстрее реальных миров. В итоге оформляется альтернативная цель как новое представление людей о счастье. Причем это представление постепенно становится доминирующим во всех формах общественного сознания, выражаясь через их дискурсы. Люди начинают стремиться к тому, чтобы новая модель счастья была реализована в действительности. Социальная система с целью своего самосохранения претерпевает соответствующие изменения. Высокий потенциал общественного сознания разряжается в реформах и революциях. При этом единые или близкие представления о счастье в различных обществах формируют у последних схожую историческую судьбу.

Приведем в качестве примера целеполагание, осуществляемое в философском сознании в различные периоды европейской истории. Покажем, как в эти исторические эпохи изменялись представления о счастье, то есть цели личной и общественной жизни.

Античные философы связывают счастливое состояние души и тела с умеренностью. Так, Диоген из Эноанд указывает на то, что лучшим средством для благого состояния духа выступает отказ от активной деятельности сверх своих сил, отстранение от любых докучных дел. В этой связи Платон дает положительную оценку словам Гесиода о том, что «половина больше целого» [11, с. 202].

Умеренность позволяет избежать смятения в природе человека, потому и нужда, и изобилие одинаково разрушительны для личности. Разбогатевший горшечник перестает совершенствоваться в своем мастерстве, а бедный не в состоянии купить себе инструмент, в итоге «и от бедности, и от богатства –

хуже становятся как изделия, так и сами мастера» [11, с. 149]. Не случайно в «идеальном государстве», по Платону, должны быть устранены и богатство и бедность, поскольку это необходимое условие счастливого общества.

Важна умеренность и по отношению к желаниям. Эпиктет указывает на то, что «нельзя быть счастливым, когда желаешь того, что невозможно; и наоборот, можно быть счастливым только в том случае, если желаешь возможного, потому что в таком случае всегда будешь иметь то, чего желаешь» [12, с. 288].

Многие античные мыслители (Демокрит, Платон и др.) высказывали убеждение, что счастье пребывает в душе. Оно интровертно. Источник счастья является результатом разграничения и отбора радостей. Прекрасны и полезны те радости, которые сохраняют целостность человека, не расщепляют его до животного состояния. Платон говорит о том, что можно сделать счастливыми стражей, земледельцев, гончаров, нарядив их в пышную одежду и дав им золото и возможность пить и пировать вволю, занимаясь своим ремеслом лишь столько, сколько им захочется. Но в итоге псевдорадость будет порождать псевдосчастье, так как «и земледелец не будет земледельцем, и гончар – гончаром, и вообще никто из людей, составляющих государство, не сохранит своего лица... Но если люди, стоящие на страже законов и государства, таковы не по существу, а только такими кажутся, ты увидишь, что они разрушат до основания все государство, и только у них одних будет случай хорошо устроиться и процветать» [11, с. 147]. Истинные радости не могут быть эгоистичными. Лишь радости, подпитываемые общим процветанием и благом, способны укреплять человеческую целостность и единство с богом. В этой связи счастье предполагает усилия со стороны человека, а в некоторых случаях путь к счастью открывается через страдания. Философское сознание Античности не разделяло счастье и целостность человека, а также критически воспринимало эгоистическую модель счастья.

Люди стремятся к счастью как цели. А какова цель счастья? Для чего нужно быть счастливым? Аристотель подчеркивает, что «цель (“то, ради чего”) не может идти в бесконечность, – чтобы ходьба была для здоровья, здоровье – для счастья, счастье – еще для

чего-нибудь, и чтобы, таким образом, одно всегда было для другого...» [3, с. 73]. Целеполагание должно быть конкретным. В Античной философии целью жизни выступает добродетель. По Аристотелю «счастье есть деятельность в духе добродетели...» [там же, с. 613].

Мыслитель полагает, что граждане (аристократы) способны через свою добродетельную деятельность обеспечивать счастливое состояние всего населения государства. Подобный подход отказывает ряду социальных слоев в возможности индивидуально добродетельного развития. Добродетель лишь прививается этим социальным группам, дабы избавить их от дикого состояния и тем самым наделить счастьем. Позже философы-стоики выступят с идеей о равенстве всех человеческих существ, что будет отменять своеобразную монополию аристократии на представление о счастье.

Добродетельная жизнь, ведущая к счастью, по Сенеке, предполагает стремление человека уподобиться Богу, считая за благо или зло только то, что является следствием добродетели или порока. При этом необходимо сохранение непоколебимости при встрече со злом, которое сопровождает добродетель. Наградой станут «громadne и достойные божества преимущества... Человека, поднявшегося на значительную высоту по пути к духовному совершенству, цепи не стесняют: он, правда, еще не свободен, но пользуется уже правами свободного» [12, с. 254–255].

Счастье в средневековой философии не мыслилось вне духовного воссоединения с Богом. «Жить и жить счастливо не одно и то же» [1, с. 200], – пишет А. Августин, считая, что человеку «остается одно: обратиться к Тебе, своему Создателю, и жить, больше и больше приближаясь к Источнику жизни, и в свете Его видеть свет, совершенствоваться, просвещаться и находить счастье» [там же].

Средневековая философия сохраняет представление о том, что умеренность и довольствование малым является необходимым условием счастливой жизни. С. Бозций подчеркивает: «Укрепляя собственные силы, держитесь середины» [4, с. 221]. А. Августин приводит в качестве примера нищего, который, получив несколько монет, более счастлив, чем те, кто всю жизнь, с одной стороны,

стремясь к спокойному счастью, с другой, ведомые своими сверхжеланиями, погрязают в суете, удаляясь от своей цели. Мыслитель отмечает, что у нищего, «правда, не было настоящей радости» [1, с. 72], но та радость, которую искал сам философ «на путях своего тщеславия, была много лживее» [там же].

Истинное наслаждение ожидается как награда за благочестивую жизнь. С. Бозций пытается доказать глубочайшую ложность мгновенного изменчивого земного счастья, приносимого Фортуной. Философ вопрошает: «Кто обладает счастьем столь полным, чтобы не выражать недовольства своим положением или хотя бы какой-нибудь его стороной?» [4, с. 171]. Таким счастьем наделены только те, кто не стремится к обладанию внешними мирскими благами и понимает, что счастье находится внутри самого человека. «Есть ли что-нибудь более ценное для тебя, чем ты сам? Нет, ответишь ты. Если бы ты познал себя, ты обладал бы тем, что никогда бы не пожелал бы выпустить, и что Фортуна, покидая тебя, не смогла бы унести. И запомни, блаженство не может быть заключено в случайных вещах» [там же, с. 172]. Иными словами, человек уподоблен разумом Богу и поэтому, пытаясь обрести счастье в низменных вещах, люди наносят оскорбление своему создателю. С. Бозций определяет путь, посредством которого возможно достижение истинного совершенного блага и блаженства – это стремление к добру, заключенному в Боге, и четкое понимание того, что «порок никогда не остается без наказания, а добродетель – без вознаграждения» [там же, с. 204]. В мире воплощена высшая справедливость, которая необходимо реализует себя даже тогда, когда не обнаруживает себя в разуме и чувствах.

Итак, целеполагания, характерные для Античности и Средневековья, имеют много общего. Счастье и цель личностной и общественной жизни в эти эпохи связывались с добродетелью (Благо, Бог) и обнаруживались в душе человека. Однако даже глубокое целеполагание сохраняет вариации процесса достижения цели. Например, путь к добродетели мог пролегать как через аскезу и отрешение от мира, так и через активную деятельность в миру.

Еще одним важным вопросом целеполагания, появившимся в античной философии,

становится выяснение случайного или закономерного характера цели. Аристотель считает, что счастье зависит от случая, а случай возникает только у индивидов, обладающих выбором, то есть способных к активной деятельности. «Поэтому ни неодушевленная <вещь>, ни животное, ни ребенок ничего не делают случайно, так как они не обладают способностью выбора; им не присуще ни счастье, ни несчастье, разве только по уподоблению, как, например, сказал Протарх: “Счастливы камни, из которых сложены жертвенники, потому что их чтят, а сотоварищи их попираются ногами”» [3, с. 94]. В Средние века представление о случайности счастья заменяется идеей о божественном провидении. Мыслители Ренессанса, переходя на волюнтаристские позиции, выводят на первый план не случайность («счастливый случай», «несчастливый случай»), а активность самого человека, сознательно определяющего цель, стремящегося к счастью, совершающего усилия для достижения счастливого состояния.

Ренессанс ознаменовал метаморфозу целеполагания и представления людей о счастье. Философия этого периода привносит обновление в содержание сохранявшейся веками идеи о том, что умеренность открывает путь к счастью наравне с пониманием иллюзорности земного счастья, основанного на преходящих ценностях. С XV в. под влиянием гуманистической ориентации счастье человека начинает связываться с земными благами при условии, если они сообразуются с духовным содержанием человека и влекут за собой удовлетворение. Однако эпоха Возрождения лишь делала первые шаги к будущей абсолютизации материальных благ. Ренессанс стал буферной зоной, в которой готовилась первая в европейской истории метаморфоза представлений о счастье. Предпосылкой к подобной метаморфозе стал томизм, в рамках которого Ф. Аквинский указывал не только на духовную, но и на телесную природу человека, а значит, на необходимость стремления не только к небесному, но и земному блаженству. Значительную роль в осуществлении этой метаморфозы сыграл так же «латинский аверроизм».

Метаморфозы представлений о счастье сопровождаются появлением комплекса уто-

пических сочинений, цель которых состоит в попытке обнаружить новые идеалы счастливой жизни. Утопии, порождая общественные дискуссии, способны обновлять и разрушать прежние идеалы, вводя новые системы ценностей в ткань реальности. В этой связи не случаен тот факт, что утопические сочинения Т. Мора и Т. Компанеллы появляются в эпоху Ренессанса.

Т. Мор предпринимает попытку выяснить, в чем заключается счастье жизни утопийцев, то есть построить новую модель счастья. В книге мыслителя подчеркивается, что спор о счастье и его источниках является у утопийцев «главным и первенствующим» [9, с. 85]. Т. Мор убежден в том, что «нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства» [там же, с. 86].

Ряд утопических идей Т. Мора в дальнейшем будет воспринят общественной практикой. Именно утопическая парадигма мышления является сферой воплощения целеполагания и имеет прямые выходы в реальность. Так, идея равенства, столь популярная в утопиях XVI–XVII вв., направлена на снижение жесткой иерархии средневекового общества, на размывание основ аристократических, монархических систем и формирование в пространстве языка демократического дискурса будущей эпохи.

«В период Реформации возникает протестантская этика (счастье – это напряженное бодрствование), которая, как показано М. Вебером, послужила становлению нового экономического и политического общества. В итоге значительный комплекс идей Ренессанса и Реформации способствовал формированию капиталистического типа общественных отношений... Счастье начинает пониматься как положение, в котором возможно вкушать все плоды цивилизации. В итоге потребление закрепило в качестве главной значимой общественной ценности, что уже в Новейший период создало особый тип одномерных людей» [6, с. 55]. Постмодерн выдвинул на первый план материалистический индивидуализм (эгоизм), приводящий к тотальному омассовлению и утрате личностного своеобразия. «Общество постмодерна есть общество, в котором царствует безразличие масс, в котором доминируют повторение и топтание на

месте, в котором личная независимость превыше всего, в котором не видят разницы между новым и старым, в котором всякое нововведение опошляется, а будущее не уподобляется неизбежному прогрессу» [13, р. 11]. Постмодернизм отвергает концепции, которые претендовали на то, чтобы привести человечество к светлому будущему.

Философия Нового времени расширяет сферу поиска счастья. Если в период Античности счастье основывалось на представлении о том, что человек велик, а в средние века, что греховен, то в период Ренессанса и Нового времени предшествующие два представления синтезировались. «Одним словом, человек сознает свое жалкое состояние. Он жалок потому, что таков и есть на самом деле; но он велик, потому что сознает это» [10, с. 19]. Мысль, высказанная Б. Паскалем, привлекала большое число философов от Ф. Петрарка до И. Канта. Отметим так же, что метаморфозы представлений о счастье способны приводить к изменению актуальности тех или иных отрезков временного континуума в процессе целеполагания. Античная культура ориентировала человека на прошлое (соблюдение традиции), средневековая на будущее (жизнь после смерти), а культура Нового времени ввела в актуальное поле настоящее человека. Античность стремилась к гармонизации конечного времени и вечности, Средневековье абсолютизировало вечность, а Новое время превознесло суету текущего момента. По этому поводу Б. Паскаль сетует, что людям «дают дела и занятия, которые потом мучают их всю жизнь... Стоило бы только отнять у них все эти заботы, тогда бы они увидели себя, стали думать, что они такое, откуда и куда идут» [там же, с. 39].

Изменение представлений о счастье, произошедшее в Новое время, привело к абсолютизации суеты настоящего момента, что в частности нашло отражение в этике протестантизма. В Новейший период настоящее представляется не как антиципация будущего, а как повторение одного и того же цикла. Ряд философов-постмодернистов выступают против деления времени на прошлое, настоящее и будущее, предполагая, что исторический процесс лишен всякой имманентной логики. Все человеческое относится только к на-

стоящему. Так, постмодернист М. Серр пишет о том, что «автомобиль есть продукт научно-технических идей, возникших в разное время. Одна из его частей была изобретена в начале двадцатого века, другая двести лет назад, колеса были изобретены в эпоху неолита и т. д.» [14, р. 72]. В рамках указанной логики в Новейший период происходит «настоячивание» всего человечества, что создает предпосылки для возникновения разрыва с прошлым.

Метаморфоза представлений о счастье актуализирует и иные способы преодоления страха перед смертью. В Античности это достижение гармонии души и тела, в Средневековье это спасение души, а в Новое время это культ тела. Ослабление веры в бессмертную душу наравне с пониманием смертности тела приводит к ощущению катастрофизма собственного бытия. Последнее в этой связи требовало постоянных развлечений (отвлечений), дабы отрешиться от мыслей о «естественном злополучии нашей слабой и смертной природы» [10, с. 40]. Действительно, характеризующая эпоха начинала жить по принципу «после нас хоть потоп». «Если за могилой ничего не видно, то, конечно, верен вывод: “Будем есть и пить”, будем наслаждаться тем, что нам приятно, “ибо завтра умрем”» [8, с. 319]. Желая жить развлекаясь, человек отчуждается от мира, теряет в себе личность. Последняя должна формироваться через усилия, заряженные волевым импульсом. Не случайно мыслители неклассической философии, например Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, превознесут волю как важнейшую философскую категорию. В целом явление неклассической философии – это попытка обнаружения способов преодоления деградации развлекающегося общества потребления, которое возникло вследствие последней по времени метаморфозы представлений о счастье.

Счастье Нового и Новейшего периодов перестало мыслиться вне суеты и вечной погони за материальными благами. Достижение цели и счастливого состояния трактуется как бесконечный процесс, связывающий вереницу явлений. Оно «состоит в непрерывном движении желания от одного объекта к другому, так что достижение предыдущего объекта является лишь шагом к достижению после-

дующего. Причиной этого служит то обстоятельство, что человек стремится не к тому, чтобы наслаждаться один раз и на один момент, а к тому, чтобы навсегда обеспечить удовлетворение своих будущих желаний» [5, с. 74]. Обновленное понимание счастья проникает во все формы общественного сознания, вызывая их всеобщую прагматизацию. В сфере социальных технологий укрепляется традиция вульгарного технократизма, который, с одной стороны, обусловлен разрывом «между фундаментальными науками социально-гуманитарного цикла и социальной практикой» [7, с. 53], а с другой – прагматичностью самой жизни общества, дистанцирующейся от знаний, не позволяющих получить высокую прибыль или материальный дивиденд. Достижение социального эффекта, как правило, требует значительных усилий, которые не гарантируют при этом экономической эффективности. Эта ситуация приводит к явной недооценке «важности “software”, или политической и корпоративной культуры» [там же, с. 55].

Таким образом, эпоха Ренессанса через представление о человеке как о смертном Боге подготовила почву для метаморфозы целеполагания от умеренности и интровертности счастья к доминанте безграничного потребления и поиску счастья в материальных благах цивилизации. Счастье в Античную и Средневековую эпоху сконцентрировано в правильном состоянии мысли и души и потому его нельзя отнять, уменьшить или увеличить. Мыслители Ренессанса переориентируют поиск счастья в сферу ощущений, которые по природе своей непостоянны и нередко мгновенны. Так, Л. Валла изображает наслаждение гедонистически, что сближает христианскую позицию с эпикурийской.

В дальнейшем пренебрежение к смыслам вечности, возникновение культа тела в развлекающемся мире выразились в дистанцировании от религиозного мировоззрения (отделение церкви от государства), а в более отдаленной перспективе Новейшего периода – в формировании общества потребления. Целеполагание, характерное для Нового времени, переориентировало человека на земной мир общественных отношений, в которых наблюдались противоречия и конфликты. Это формировало ощущение невозможности достиже-

ния счастья в противоречивом земном мире и способствовало появлению представлений об абсурдности бытия человека (А. Камю) и даже «смерти человека» (М. Фуко). В философии возник и был обоснован феномен «неукорененного человека», занимающего эксцентрическую позицию (Х. Плеснер). На недостижимость счастья в мире потерянного вечного бытия ранее указывали еще Ф.М. Достоевский, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и многие другие русские мыслители. Примечательно, что в мистической концепции Д.Л. Андреева страдания тех, кто пытался при жизни утвердить идею о смертности души (воинствующее безверие), в посмертных чистилищах более значительны, чем даже у убийц. «Тайна этой удивительной, непропорциональной, казалось бы, кары в том, что все эти волевые акты еще при жизни в Энрофе как бы наглухо забили пробками дыхательные пути души... Пленнику Дромна кажется, что нигде нет ничего, нет и его самого – именно так, как это ему рисовалось при жизни... При этом он начинает смутно понимать, что все могло бы быть иначе, если бы это небытие – или полунебытие – он не выбрал сам» [2, с. 89].

Целеполагание будущего, которое уже воплощается в утопическом сознании (Б. Беквит, Э. Калленбах, Г. Маркузе, Э. Фромм, Р. Миллс, П. Гудмен и др.), обнаруживает счастье не в потреблении, а в социальной ответственности и братской любви. Значительную актуальность приобретает идея соборного сознания, способного преодолеть отчуждение человека от природы, общества и самого себя. Для введения утопий в ткань реальности потребуются существенное ограничение эгоистических наклонностей человека, развитие соборных начал и преодоление

экономикоцентрированности сознания современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин, А. Исповедь / А. Августин. – М. : Республика, 1992. – 516 с.
2. Андреев, Д. Л. Роза Мира / Д. Л. Андреев. – М. : Клашников-Комаров и К, 1993. – 301 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 644 с.
4. Бэций, А. М. С. Утешение философией и другие трактаты / А. М. С. Бэций. – М. : Наука, 1996. – 236 с.
5. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. – 590 с.
6. Задворнов, А. Н. Воплощение объективных мыслительных форм и эпистем в утопическом сознании / А. Н. Задворнов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 2. – С. 52–55.
7. Касавин, И. Т. Человек, знание и социальные технологии / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2012. – № 1. – С. 52–55.
8. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1985. – Т. 1. – 623 с.
9. Мор, Т. Утопия. Зарубежная фантастическая проза прошлых веков / Т. Мор. – М. : Правда, 1989. – 288 с.
10. Паскаль, Б. Мысли о религии / Б. Паскаль. – М. : АСТ, 2001. – 927 с.
11. Платон. Сочинения : в 3 т. / Платон. – М. : Мысль, 1970. – Т. 3. – 454 с.
12. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Аврелий / вступ. ст., сост., подгот. текста В. В. Сапова. – М. : Республика, 1998. – 544 с.
13. Lipovetsky, G. L'Ere du vide. Essais sur l'individualisme contemporain / G. Lipovetsky. – Paris : Gallimard, 1983. – 219 p.
14. Serres, M. Eclaircissements / M. Serres. – Paris : Editions Francois Bourin, 1992. – 451 p.

THE NOTION OF HAPPINESS AS PURPOSEFUL FORCE OF SOCIAL CONSCIOUSNESS AND ITS FORMS

A.N. Zadvornov

An attempt was made to identify the motivation of the development of man and society. The core of this motivation is the way people think of happiness that emerges in existence and forms in public consciousness. The genesis of goal setting in the context of the prevailing interpretation of happiness in the philosophical minds of Europeans was considered. The transition from introvert understanding of happiness to the dominant of limitless consuming and search of happiness in the material benefits of civilization was shown. The essential features of future goal setting were identified.

Key words: *happiness, goal setting, the form of social consciousness, syncretism, differentiation, metamorphosis, utopian consciousness.*